

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 549–553
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 549–553
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-549-553>

Рецензия
УДК 94(44).04.94(44).05

Рецензия на книгу: Троицкий Н. А. Наполеон Великий

(*Троицкий Н. А. Наполеон Великий* : в 2 т. / [подг. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова]. М. : Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1 : Гражданин Бонапарт. 526 с., ил. ; Т. 2. : Император Наполеон. 549 с., ил. (Мир Французской революции)).

С. Я. Карп

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а

Карп Сергей Яковлевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук, s.karp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8869-012X>

Аннотация. Двухтомная биография Наполеона, написанная известным саратовским историком Н. А. Троицким, несомненно, привлечет внимание читателей. Они сумеют оценить ее продуманную структуру, впечатляющую полноту, живой и образный язык, полемическую заостренность отдельных выводов. Рецензия содержит также ряд серьезных замечаний, вызванных недостаточным знакомством автора книги с историей и культурой стран Запада, актуальной проблематикой исследований по истории Французской революции.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, Французская революция, Наполеоновские войны, Отечественная война 1812 года

Для цитирования: Карп С. Я. Рецензия на книгу: Троицкий Н. А. Наполеон Великий: в 2 т. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 549–553. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-549-553>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Book review: Troitsky N. A. Napoleon the Great

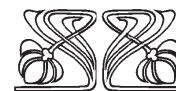
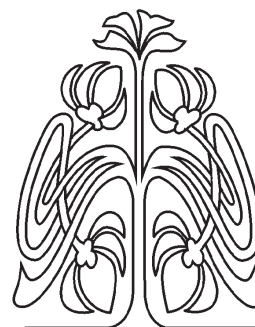
(*Troitsky N. A. Napoleon the Great. In 2 vols. / [prep. for publ. and intro. article by M. V. Kovalev and Y. G. Stepanov]. Moscow : Political Encyclopedia, 2020. Vol. 1 : Citizen Bonaparte. 526 p., ill. ; Vol. 2 : Emperor Napoleon. 549 p., ill. (The World of the French Revolution)*).

S. Ya. Karp

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia

Sergey Ya. Karp, s.karp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8869-012X>

Abstract. The two-volume biography of Napoleon, written by the famous Saratov historian N. A. Troitsky, will undoubtedly attract the attention of readers. They will be able to appreciate its

КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ

thoughtful structure, impressive completeness, lively and imaginative language, polemical sharpness of some conclusions. The reviewer also draws attention to many errors involved by the author's insufficient acquaintance with the history and culture of Western countries, the topical issues of research on the history of the French Revolution.

Keywords: Napoleon Bonaparte, the French Revolution, Napoleonic wars, the Patriotic War of 1812

For citation: Karp S. Ya. Book review: Troitsky N. A. Napoleon the Great. In 2 vols. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 549–553 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-549-553>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За год до 200-летия со дня смерти Наполеона издательство РОССПЭН выпустило книгу Н. А. Троицкого «Наполеон Великий» – вероятно, самую обширную его биографию, когда-либо написанную на русском языке. Уже одно это обстоятельство гарантирует ей внимание широкой читательской аудитории. Книга эта увидела свет спустя 13 лет после завершения работы над ней и спустя 6 лет после смерти Николая Алексеевича, увы, так и не дождавшегося ее выхода. Что же подвигло саратовского историка, известного, прежде всего, своими трудами по истории России XIX в. и Отечественной войны 1812 г., взяться за написание биографии Наполеона?

Сам он объясняет свое решение не только давним интересом к этой грандиозной фигуре и его времени, но и стремлением максимально восполнить пробелы в трудах предшественников, используя имеющиеся в его распоряжении источники. «Задачу свою вижу в том, – пишет Н. А. Троицкий, – чтобы изложить, возможно подробнее и доступнее для массового читателя, мое видение всей жизни и деятельности Наполеона, его личностных качеств, результатов, последствий и уроков всего им содеянного. Главное, хотелось бы, и я попытаюсь решить такую задачу с позиций, научно сбалансированных, свободных от политической предвзятости и субъективных пристрастий» (т. 1, с. 27–28). Слова «мое видение» указывают, как мне кажется, на еще одну, более личную причину, побудившую Н. А. Троицкого выступить в роли биографа Наполеона, – его смелость и даже дерзость, уверенность в том, что право на такую роль ему дает его исследовательский и жизненный опыт. Он пишет: «Разумеется, я не стремлюсь написать о Наполеоне лучше Тарле и Манфреда, как и не боюсь написать хуже, но знаю, что напишу иначе, по-своему. У меня – свой взгляд на жизнь, деятельность и личность Наполеона, взгляд, который, надеюсь, заинтересует и, быть может, увлечет многих, хотя, уверен, многих и оттолкнет» (т. 1, с. 26). В этом высказывании, похоже, содержится ключ к пониманию многих особенностей этой работы, ее достоинств и недостатков.

Ю. Г. Степанов и М. В. Ковалев, подготовившие книгу Н. А. Троицкого к публикации, не случайно начинают предисловие фразой о свободолобивом населении Саратовского Поволжья. Профессиональный и жизненный путь Н. А. Троицкого – путь бойца, полемиста. В 1963 г. он предложил в журнал «Вопросы истории» статью, призывавшую отказаться от официозных

оценок войны 1812 г., а когда статью отказались печатать, направил ее в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС, на долгие годы лишив себя возможности работать над этой темой. В 1966 г. Н. А. Троицкий не побоялся выступить против группы М. В. Нечкиной в острой дискуссии по народничеству. В 1988 г. он опубликовал разгромную рецензию на книгу О. В. Орлик «Гроза двенадцатого года...», после которой руководство Отделения истории АН СССР обратилось в ЦК, требуя наказать «разнузданного» рецензента. В 1990-е гг. Николай Алексеевич активно участвовал в спорах о характере «нечаевщины», а в начале 2000-х гг. публично поставил под сомнение научные заслуги губернатора Саратовской области Д. Ф. Аяцкова, поспеившего обзавестись учеными степенями. Эти примеры можно было бы множить и множить, но в данном случае хочется лишь подчеркнуть, что Троицкому смелости и уверенности в себе было не занимать. Именно этим обстоятельством, судя по всему, объясняется тот факт, что он решился замахнуться на жизнеописание Наполеона, хотя и понимал, что многие его предшественники, включая Е. В. Тарле и А. З. Манфреда, «невольно задумывались: а по плечу ли им такая задача?» (т. 1, с. 25).

У книги Н. А. Троицкого немало бесспорных достоинств. Она написана с увлечением, которое естественным образом передается читателю, хорошо структурирована, причем названия глав и разделов четко сформулированы, иногда – с помощью ярких образов или вполне уместных парадоксов («Император Республики» или «1814: победоносное поражение»). Книга отличается впечатляющей полнотой: в ней находится место и характеристике политических событий, и описанию военных действий, и картинам частной жизни основных персонажей, и их психологическим портретам. Автор прекрасно знает отечественную литературу о Наполеоне, как и практически всю иностранную литературу о нем, переведенную на русский язык. Его отдельные наблюдения порой уточняют привычные представления о важнейших вехах биографии Наполеона. Так, если А. З. Манфред считал, что завоевательный характер войны в Египте пагубно повлиял на самого Бонапарта и его солдат и послужил одной из причин неудачи Египетского похода, то Н. А. Троицкий напоминает, что победоносные кампании Наполеона в 1805–1807 гг. были не только оборонительными, но также и завоевательными, что отнюдь не привело к падению морального духа его армии и ее

боевых качеств. Он также обращает внимание и на освободительную миссию, которую приписывали себе французы в Египте и Сирии, – их намерение освободить местное население от гнета мамелюков и турок, приобщить его к передовым формам цивилизации (т. 1, с. 268–269). Правда, в истории человечества завоеватели не раз выступали в роли освободителей, и нам подчас непросто понять, насколько искренне и как долго разделяли они сами и их войска веру в благородные цели войны и насколько широко эта вера была распространена.

Вызывает уважение взвешенная, далекая от квасного патриотизма позиция автора по таким значимым вопросам, как итоги Бородинской битвы, причины Московского пожара, результат сражения на Березине... Они до сих пор волнуют широкую читательскую аудиторию, которой книга Н. А. Троицкого может дать новую пищу для размышлений.

Впрочем, многие взгляды ученого, как справедливо отмечают Ю. Г. Степанов и М. В. Ковалев, отличаются предельной полемичностью. Словно бросая вызов оппонентам, автор подчеркивает прогрессивный характер перемен, произошедших в Европе благодаря Наполеону, его стремление защитить «завоевания революции», личную доброту и гуманность. Сравнивая наполеоновский военно-полицейский режим с российским самодержавием, Н. А. Троицкий стремится доказать, что тот представлял людям значительно большее пространство свободы. Сближение Павла I с Наполеоном он считает несомненным благом для России и Франции, якобы обусловленным их схожим географическим положением (на противоположных концах европейского континента) и общностью их геополитических интересов, а именно – возможностью, договорившись, контролировать «всё и вся в Европе» (т. 1, с. 402). Рассказывая о патриотическом подъеме, вызванном в русском обществе нашествием Наполеона, он заявляет, что «патриотизм подавляющего большинства русских дворян происходил из их корысти, ибо они сражались за крепостную Россию, за сохранение своих богатств и привилегий, за право самим держать в рабстве собственный народ, не уступая этого права кому бы то ни было <...>» (т. 2, с. 225). Разумеется, эти, как и многие другие спорные утверждения Н. А. Троицкого, встречающиеся в его книге, могут вызвать шквал критики, но вряд ли заслуживают детального разбора, ибо относятся к категории оценочных суждений. Куда более уязвимы другие аспекты работы, не отвечающие стандартным требованиям нашего ремесла. Остановимся лишь на некоторых из них.

Во Введении автор прослеживает не столько развитие историографии о Наполеоне, постепенное расширение научных представлений о нем, сколько эволюцию даваемых ему оценок. При таком подходе для него становятся важными и оценки, не имеющие ничего общего с наукой, – он прежде всего пытается «защитить» великого

Наполеона от нападающих на него пигмеев. Выглядит это зачастую странно, даже если речь идет не только о пигмеях. Так, автор характеризует известную уничижительную оценку Наполеона Львом Толстым как «нонсенс», «которому следовало, как правило, советские историки-официозы... и писатели» (т. 1, с. 20). Но образ Наполеона у Толстого лишь отражает его представления о бесплодности попыток отдельных личностей, сколь угодно выдающихся, контролировать течение истории, подчинять себе ход событий. Эти взгляды Толстого разделялись множеством людей и не раз становились предметом специального изучения; вряд ли стоит говорить о них в столь пренебрежительном тоне. Другое дело, что к науке о прошлом они не имеют отношения.

Рассказывая о событиях из жизни Наполеона, его словах и поступках, Н. А. Троицкий ссылается то на исторические труды разных эпох (если иностранные, то почти исключительно переводные), то на научно-популярные работы, то на сочинения Стендаля, В. Скотта, В. Гюго, Д. Мережковского или К. Валишевского. И хотя во введении автор говорит, что они принадлежат к разным жанрам, а ему лично ближе «исторический» (т. 1, с. 15), он не делает между ними особой разницы – все они служат ему по сути равнозначными источниками. Разумеется, мнение известных литераторов или популяризаторов само по себе может представлять интерес, но читатель способен и сам обратиться к их произведениям, а ссылаться в научной работе на них как на источник сведений о конкретных фактах биографии Наполеона и всерьез обсуждать на ее страницах их «оценки» вряд ли уместно.

Главная же слабость книги Н. А. Троицкого, на мой взгляд, заключается в том, что автор, будучи специалистом по истории России, взялся за написание биографии Наполеона, не зная толком Запада и, прежде всего, Франции, ее истории, языка, культуры и уж, тем более, актуальной проблематики исследований по истории Французской революции, породившей его героя. Судя по всему, он также не стал обращаться за консультацией к коллегам, не сомневаясь в своем праве на собственное высказывание об одном из величайших деятелей мировой истории.

Демонстративно уходя от изжитых схем советской историографии, критикуя «ленинско-сталинский тезис» о Наполеоне как человеке, который «задушил революцию» и установил «контрреволюционную диктатуру» (т. 1, с. 321), Н. А. Троицкий между тем находится в плену старых догматических представлений о Французской революции как рубеже между феодализмом и капитализмом. Он не знаком ни с дискуссиями о социальной интерпретации этой революции, которые велись в мировой исторической науке с 1960-х гг. и даже освещались на страницах советских научных изданий, ни с классическими трудами по социологии революций. Пытаясь «искать истину» «между крайними точками зрения»

и не учитывая их историографический контекст, ученый приходит к вполне банальному выводу о том, что переворот 18 брюмера был, с одной стороны, «контрреволюционным», а с другой стороны, «остановил начавшийся еще 9 термидора 1794 г. и ускорившийся с 18 фрюктидора 1797 г. процесс сползания Республики вправо, к возможной реставрации феодализма» (т. 1, с. 322). Он не сознает, что выражения «контрреволюционный» или «сползание вправо», часто употребляемые в политическом дискурсе, неадекватны современной научной терминологии, используемой для характеристики описываемых им политических процессов конца XVIII в. Троицкий не подозревает, что никакая «реставрация феодализма» во Франции 1799 г. не была возможна, поскольку считать французское общество Старого порядка феодальным и даже средневековым (т. 1, с. 400; т. 2, с. 310) может лишь человек, понятия о нем не имеющий. В рассказе о восстаниях шуанов автор остается в рамках представлений XIX в., ибо уверенно приписывает упорство и массовый характер их выступлений религиозному фанатизму местных крестьян, проискам эмигрантов и интригам англичан (т. 1, с. 359), совершенно игнорируя социально-экономические причины их недовольства. Описывая социальную природу политических группировок, сменявших друг друга у власти во время революции вплоть до переворота 18 брюмера, он утверждает, что за якобинцами стояли «средние слои населения», за Директорией – «крупная буржуазия», за Консульством и Империей – «буржуазия (не только городская, но и сельская), класс постреволюционных собственников, включая имущее крестьянство» (т. 1, с. 60, 183, 353). Сама расплывчатость этой мутной терминологии лишний раз свидетельствует об отсутствии у автора представлений о социальных пружинах Французской революции, которые соответствовали бы уровню развития исторической науки, уже достигнутому ко времени его работы над книгой о Наполеоне.

Незнание истории и культуры стран Запада, а также тотальная зависимость автора от чужих текстов, в особенности от русских переводов иностранных сочинений, привели к появлению или воспроизведению в этой книге множества других ошибок. Приведу лишь несколько примеров.

Так, упоминая об отце Карло Андреа (будущего Карла Осиповича) Поццо ди Борго, Н. А. Троицкий называет его имя Мария «несколько странным для мужчины» (т. 1, с. 42). Однако, во-первых, в мужском имени Мария для итальянцев и корсиканцев нет ничего странного; во-вторых, Мария – одно из имен не только этого человека, Джузеппе Марии Поццо ди Борго, но и отца Наполеона – Карло Марии Буонапарте, о чем автор прекрасно осведомлен (т. 1, с. 31), но в этом случае оно ему странным не кажется.

Говоря об отце Наполеона, Н. А. Троицкий явно злоупотребляет выражением «папа Карло» –

оно встречается в его книге десятки раз (наряду с «мамой Летицией»). Вероятно, ему и в голову не приходила ассоциация Наполеона с Буратино, но она неизбежно появляется у читателей его книги. О недостатке вкуса свидетельствуют и некоторые неуклюжие фразы: «сверлила мозг каждого из директоров <...> задняя мысль отделаться от сверх популярного и честолюбивого полководца в лице Бонапарта» (т. 1, с. 214); «Швеция <...> точила зубы на Россию из-за Финляндии» (т. 2, с. 195)...

Н. А. Троицкий упоминает о службе Наполеона в городе Оксонн (с 1788 г.), расположенном, как он указывает в скобках, в «департаменте Бургундия» (т. 1, с. 58). Никакого департамента Бургундия никогда не существовало, а деление на департаменты было введено во Франции только в 1790 г. Далее автор утверждает, ссылаясь на А. З. Манфреда, что его герой был одним из первых, кто вступил в Оксонне в Якобинский клуб (т. 1, с. 67). Манфред же говорит (и не ошибается), что это произошло в Валансе.

Рассказывая о генуэзской дипломатической миссии Наполеона в июле 1794 г., автор утверждает, что Генуя «тогда представляла собой республику на французский лад, но была склонна поддаться английскому влиянию» (т. 1, с. 98). На самом деле Генуэзская республика существовала с XI в., причем во главе ее стояли дожи, избиравшиеся на 2 года. Ничего «французского» в ее политическом устройстве не было.

Автор сообщает, что в результате Термидорианского переворота Робеспьер и его ближайшие соратники были «без суда гильотинированы» (т. 1, с. 98). На самом деле они были казнены по приговору того самого чрезвычайного уголовного суда, который был создан Конвентом в марте 1793 г., в октябре того же года получил название Революционного трибунала и вплоть до упомянутого переворота находился под контролем самого Робеспьера.

Опираясь на переводы, использовавшиеся в старых русских изданиях, автор, вероятно, придерживается распространенного мнения, согласно которому наши дореволюционные авторы прекрасно знали французский язык. Так, он приводит слова о Наполеоне из письма Огюстена Робеспьера своему старшему брату Максимилиану по А. С. Трачевскому (Наполеон I. Первые шаги и Консульство, 1769–1804. М., 1907): «Этот человек одарен сверхъестественными достоинствами (d'un mérite transcendant)» (т. 1, с. 95). Это же определение достоинств Наполеона как сверхъестественных автор повторяет и далее. На самом деле *transcendant* в данном контексте означает не «сверхъестественный», а «исключительный». Впрочем, наши современные издатели, публикующие труды иностранных историков в переводе и при этом экономящие на научном редактировании, часто выпускают книги с куда более грубыми ошибками. Так, цитируя работу британского историка Д. Чандлера «Военные кампании Наполеона.

Триумф и трагедия завоевателя» по русскому переводу Н. Б. Черных-Кедровой, Н. А. Троицкий сообщает, что его герой, находясь в 1794 г. в кратковременном заключении, воспользовался своим тюремным досугом «для изучения записок маршала Майбура о кампании в Пьемонте 1745 г.» (т. 1, с. 100). Эта же фамилия фигурирует в указателе имен в конце 1-го тома. Разумеется, никакого маршала Майбура никогда не существовало, речь идет о Жане-Батисте Франсуа Демаре, маркизе де Майбуа, маршале Франции с 1741 г.

Отмечая достойное, по его мнению, поведение Наполеона и его солдат в Мантуе, Н. А. Троицкий пишет: «Только Вальтер Скотт обнаружил (если не домыслил) какие-то данные о том, что они “пытались содрать со стен и увезти в благословенную Францию знаменитые фрески Тициана, изображавшие борьбу богов и титанов. К счастью для Тициана и Италии, это оказалось неисполнимо – и боги и титаны остались на их родных стенах”» (т. 1, с. 186). Во-первых, эти данные В. Скотт («Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов», 1827, рус. пер. 1831–1832) мог «обнаружить» в «Мемуарах» Наполеона (не путать с «Мемориалом Святой Елены» Э. де Лас Каза), отрывки из которых неоднократно издавались с начала 1820-х гг. Говоря о себе, как обычно, от третьего лица, Бонапарт сообщает об этом мантуанском эпизоде следующее: «Наполеон остановился в герцогском дворце и провел там несколько дней. В городе было найдено множество превосходных полотен; он отправил их в Париж. Прекрасные фрески работы Тициана во дворце Те, изображающие войну титанов, вызвали восхищение знатоков. Комиссия художников предложила несколько проектов снятия и перемещения фресок в Париж, но их осуществление могло бы привести к утрате и уничтожению этих шедевров»¹. Во-вторых, упомянутые фрески во дворце Те были созданы не Тицианом, а Джулио Романо, что и нашло отражение в позднейших изданиях наполеоновских «Мемуаров»².

Рассказывая об аресте герцога Энгиенского в Эттенгейме в 1804 г., Н. А. Троицкий сообщает, что тот «жил по соседству с домом кардинала Эдуарда де Рогана – того самого, который однажды поссорился с Вольтером и приказал своим лакеям избить великого просветителя палками» (т. 1, с. 475). Для подтверждения своих слов он ссылается на не слишком авторитетный источник – старый очерк А. З. Манфреда «Великая

французская буржуазная революция», переизданный по его второму изданию (1956) уже после смерти автора в составе небольшого сборника его трудов (Великая французская революция. М., 1983, с. 44). Здесь Манфред, повествуя о просветителях, подготовивших Французскую революцию, рассказывает читателям о Вольтере и сообщает им о его ссоре не с кардиналом, а с «герцогом де Роганом, приказавшим своим лакеям избить Вольтера палками». Ссора эта, как известно, имела место в 1726 г. Однако избивание Вольтера организовал отнюдь не герцог де Роган, упомянутый Манфредом, а его сын – Ги Огюст, шевалье де Роган-Шабо (1683–1760). Кардинал Луи Рене Эдуар де Роган (1734–1803), упоминаемый Троицким сосед герцога Энгиенского в Эттенгейме, не имел и не мог иметь никакого отношения к этому избиванию, хотя бы потому, что оно произошло за 8 лет до его рождения. В именном указателе к 1-му тому «Наполеона Великого» мы обнаруживаем только одного Рогана, причем с инициалом Э. и отсылкой на с. 224 и 475. Но на с. 224 автор упоминает об «Эммануиле Рогане» – великом магистре Мальтийского ордена, порвавшем отношения с революционной Францией. То был Эмманюэль де Роган-Польдюк (1725–1797), 70-й великий магистр Ордена. Таким образом, путаница растет, как снежный ком.

На этом, пожалуй, стоит остановиться. Полагаю, книга Н. А. Троицкого преподносит всем нам урок: она показывает, что профессиональный историк, обладающий большим опытом, искренне интересующийся своей темой и умеющий писать, верящий в свои силы и пользующийся заслуженным уважением коллег, должен не только «сметь свое суждение иметь», но и отдавать себе отчет в ограниченности своих познаний и возможностей.

Примечания

- ¹ Mémoires de Napoléon // Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte-Hélène par les généraux qui ont partagé sa captivité, et publiés sur les manuscrits entièrement corrigés de la main de Napoléon. Tome quatrième, écrit par le général Montholon. Paris: F. Didot, père et fils ; Berlin : G. Reimer; Francfort s. l. M. : de l'imprimerie de J. D. Sauerländer, 1824. P. 22 (перевод мой. – С. К.).
- ² См., например: Mémoires de Napoléon. La Campagne d'Italie, 1796–1797 / éd. présentée par T. Lentz. Paris : Tallandier, 2010. P. 215.

Поступила в редакцию 06.05.2021, после рецензирования 27.05.2021, принята к публикации 30.06.2021
Received 06.05.2021, revised 27.05.2021, accepted 30.06.2021